

Город Сладких Слёз

Повесть-сказка

Жил в одном подвале давно разрушенного дома мышонок. Совершенно обычный мышонок, как десятки его родственников. Они тоже здесь жили.

И всё же наш мышонок отличался от всех. У него не было хвоста. Родился таким. Как сказала Старшая мышь, его маме не хватало витаминов. В другом месте это может быть и утешение, но только не в этом подвале. Дело в том, что у мышей этого подвала хвост считался знаком отличия и приличия: чем длиннее - тем красивее и солиднее его обладатель. Бесхвостый же вызывал неприятное впечатление, как у нас, у людей, человек ленивый, невежа, в мятой одежде и без пуговиц.

Трудно жилось Бесхвостому, никто всерьёз его не принимал: отовсюду одни насмешки. Даже родной отец был недоволен сыном:

-Ты - грязное пятно на моём светлом имени! - часто говорил он мышонку. Так часто, что Бесхвостый рад был провалиться сквозь землю.

С утра до вечера дразнились братья и их дружки:

- Куцый хвост... куцый хвост...

Любила его только мама, жалела:

- Бедняжечка, знала б, что таким родишься, лучше б во мне умер... На муки я тебя родила...

От таких слов мышонку становилось ещё горше. Но что поделаешь: раз родился - надо жить.

Сквозь отдушины в подвал проникал скупой свет. Но этого было достаточно для маленького мышонка. В свои игры сверстники Бесхвостого не брали, и он слонялся в одиночестве по сумрачным углам подвала. Вскоре, однако, ему это изрядно надоело. Притягивали отдушины: хотелось, очень хотелось посмотреть, как там, за ними. Но Старшая мышь строго-настрого предупредила: ни шагу за пределы подвала! Привела массу ужасных историй, от которых стыла спина, пересыхало в горле, и стучали зубы.

Запрет, как говорится, подстрекательство, усиливающее любопытство. Так что однажды Бесхвостый не удержался и переступил черту запретного.

1. ВОРОНА ИСТОМА

В глаза ударил ослепительный свет и мышонок зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел большую мусорную кучу. Из-за кучи послышалась песня:

- Малиновая лошадь по улице идёт

Сиреневую кошку на поводке ведёт...

Сгорая от любопытства, Бесхвостый оббежал кучу и увидел следующее: к стволу дерева прислонён зелёный велосипед, а рядом ворона привязывала к багажнику огромную пачку бумаги, помогая себе пением:

- А рядом сизый мерин взлетел на светофор

И к облаку подвесил бумажный полотёр.

Дело не ладилось, пачка расползалась, норовила совсем рассыпаться. Песенное настроение вороны начинало понижаться. Послышалось недовольное ворчание, затем резкие слова:

- Карра! Карракатица! Карртель!

Обычно таким тоном произносят ругательства. Бесхвостый смутился, ему стало не по себе, и он выпалил:

- А ругаться нехорошо. Тем более, когда рядом дети.

- Иди ты в кулуарр!- ругнулась машинально ворона, и осеклась, глянула на Бесхвостого круглым жёлтым глазом. - Карр! Черртовски любопытное явление!

Оставила в покое бумагу, повернулась и критически осмотрела мышонка с головы до пят. Поморщилась, словно на неё пахнуло зловонным.

- Безобразие! Ты здесь живёшь?

- Живу.

- Ну и дуррень! Тундрра! - опять заругалась ворона.

- Почему?- обиделся мышонок.

Ворона презрительно фыркнула:

- Объясняю для ненормальных. Это свалка, пристанище для отбросов. Впрочем, ты не далеко ушёл... Карризом по горбушке! Коррозия! Картофель!

У Бесхвостого навернулись слёзы от обиды. Да как она, старая ругательница, смеет его называть отбросом... и мамочку...

- Вы... вы... сами вы коррозия! - в запале выкрикнул мышонок.

- А ведь я могу клюнуть, - угрожающе прищурила жёлтый глаз ворона.

Бесхвостый немного отступил и подумал: "Сейчас возьму вон тот камень и швырну". И он уже нагнулся, чтобы его взять, но тут ворона неожиданно разулыбалась:

- Послушай каррапузик, хочешь в народ?

Бесхвостый не знал, что это такое, поэтому медлил с ответом. А ворону будто прорвало:

- Брось к чертям кошачьим этот бардак! Идём со мной, увидишь мирр. Узнаешь настоящую жизнь, приоденешься, а то смотришь на тебя голыша моррока. И потом здесь скоро котлован рыть будут, спортивный комплекс задумали строить.

- А как же мои родители? - ужаснулся мышонок.

- Карра! Карртель! Так ты не один?!- завопила ворона.- Чего ты мне мозги полощешь! Кулуарр! Крраковьяк! Я думала: он "последний из могикан", а их здесь целая сворра! Ненормальные! Сгинь с глаз моих, клюну! - ворона защёлкала клювом, захлопала по бокам крыльями.

Бесхвостый стремглав кинулся в отдушину. Отдышавшись, он стал размышлять над словами вороны. Быть "в народе"- это, наверное, иметь чистый внешний вид, иметь такие же, как у вороны рыжие шорты и малиновую рубашку, концы которой связаны узлом на животе, иметь велосипед... Заманчиво. И, главное, тебя будут уважать - ведь она ничего не сказала про его коротенький отросточек, вместо хвоста. Непонятно другое - спортивный комплекс, что это? Чем грозит мышиному племени? Если

пойти и предупредить своих, ему, конечно же, не поверят, и просто накажут... Может ворона ещё там? Выйти, извиниться и расспросить подробнее...

На светлом квадрате от отдушины появилась тень, затем квадрат коряво расплылся и Бесхвостый услышал:

- Агу, малыш, я пошутила. Выходи, поговорим. Честное воронье, не трону.

Голос был мягкий и ласковый, как у мамы.

- Что надумал?- быстро спросила ворона, когда Бесхвостый вылез.

- Нет ещё. Скажите, пожалуйста, спортивный комплекс-это опасно?

- Еррунда! Каторрга!- горячо фыркнула ворона.- Спорт - моррока. Я пррекрасно обхожусь без него. Это занятие для тех, кому делать нечего.

«Мне тоже нечего делать», - подумал мышонок, вздохнув.

- Скажите, пожалуйста, а долго ждать?

- Ты не дождёшься, твои внуки может быть. У нас все стрройки долгострой.

"Может съездить с ней, посмотреть народ? А к вечеру вернусь. Маме скажу: заигрался, заснул. Лгать, конечно, не хорошо, но уж очень хочется посмотреть..."

- Ну, как, едем?

- Едем.

- Коррида!- воскликнула ворона. - Запомни малыш этот день: он войдёт в историю! Для тебя кончатся будни и пойдут сплошные прраздники! Рразрази меня калорриферром! Сенсация! Завтрра все газеты сообщат:» Истома обнаружила рреликтовую особь!»! Кошмарр! Коврригой по карризу! Пррыгай на рраму - это прыжок к славе!

Бесхвостый взобрался, куда показали, и они поехали. Земля вырывалась из-под колёс, всё вокруг мелькало, по глазам бил ветер и они наполнялись слезами. Мышонку казалось, что он сейчас слетит и разобьётся вдребезги, поэтому руль сжимал до посинения. А Истома заливалась:

- Я люблю тебя жизнь,

И надеюсь, что это взаимно...

Кривая, рыхлая дорога кончилась, колёса приятно зашуршали по асфальту, чёрному и блестящему, точно облитому маслом. Мимо пронеслись сверкающие автомобили и мотоциклы, от шума которых у мышонка заложило уши. Рядом с велосипедом появился зелёный автомобиль, из кабины высунулась куриная головка в соломенной шляпке. На глазах большие квадратные очки с розовым затемнением. Куриная головка что-то спросила, Истома отрывисто ответила. Автомобиль резко остановился, а велосипед проехал ещё немного и тоже остановился. Подбежала тощая курочка в узких ярко-синих брючках и белой кофточке с трафаретом на груди: косматый петух с гитарой и раскрытым до предела клювом. Курочка сняла очки и, не спуская горящих глаз с мышонка, в чём-то пыталась убедить Истому. Ворона не поддавалась. Тогда курочка сбегала к машине и вернулась с холщёвой сумочкой. Стала совать ИстOME какие-то разноцветные бумажки, о которых Бесхвостый и понятия не имел. Наконец, у него в ушах что-то лопнуло, и он услышал:

- Постыдись! Это же рреликт! А ты мне предлагаешь грроши. Да мне любой зоопарк в пять рраз дорроже заплатит, - возмущённо клокотала Истома. - Любой институт...

- Хорошо. Сколько ты хочешь?

- Десять тысяч.

- Да ты что, рехнулась?! - опешила курочка.

- Не хочешь - не берри. Товарр он долгоигррающий,- Истома толкнула велосипед.

- Истомочка, мы же соседи. Потерпи до завтра: я найду! Сегодня же вечером найду. Можно надеяться?

- Надейся.

Когда обнадёженная курочка умчалась в противоположную сторону, Истома презрительно сплюнула:

- Дерржи клюв ширре! Ей нужна рреклама, слава и деньги, а мне, значит, не нужно? Думаешь, на этом много заррработаешь?- кивнула на багажник и сочла нужным объяснить: - Это газеты и журрнaлы вековой давности. На

последних страницах юмор и сатира. Новое - хорошо забытое старое. Вот я и продаю всё это старье теперешним юмористам и фельетонистам.

- А зачем... юмор?- осмелился спросить мышонок.

Истома посмотрела с восхищением:

- Прекрасно! Ты реликт из реликтов! Я, пожалуй, цену подниму вдвое. А юмор - это когда смешно. Вот, например: " Иногда шаг вперед - результат хорошего пинка". Не смешно? Правда, не смешно? - Истома, казалось, готова была расцеловать мышонка. - Ты - реликт в кубе! Я запрощу за тебя втрое больше! Карр, чёрт задерри! Карретник! Каррагач!

Впереди показались две большие каменные бабы, за ними рассыпались вереницей дома, дома, дома... У баб Истома остановилась.

- Попью, в горле пересохло.

Бесхвостому пить не хотелось, он стал с любопытством осматриваться. Бабы – это ворота в город. Между ними был, натянут щит с большими яркими буквами. Если бы мышонок умел читать, он бы прочёл: " ГОРОД СЛАДКИХ СЛЁЗ". Слезы лились из глаз каменных баб, стекались в огромные сосуды, стоящие у их ног. У сосудов были небольшие ниши для стаканов и щёлочки. В одну из них Истома бросила монетку, в стакан налилась золотистая пенная жидкость. Судя по удовольствию, с каким опустошала стакан ворона, питье было весьма приятным. В руках у каждой бабы квадратные щиты, на них следующий текст: " Всяк входящий в ГОРОД СЛАДКИХ СЛЁЗ, остановись и:

1. выбрось камень из-за пазухи,
2. вырви зуб, что точил на соседа,
3. забудь, как роют яму другому.

Выбросил? Вырвал? Забыл? Добро пожаловать!

АДМИНИСТРАЦИЯ "

У Бесхвостого не было пазухи и точёного зуба, и рыть ямы он тоже не умел. Утолив жажду, Истома немедля и легко вкатилась в Город.

На пять сторон уходили прямые улицы, по обе стороны которых высились различные здания разнообразной высоты и расцветки. По проезжей части

сноваляли машины, мотоциклы и велосипеды, по тротуарам ходила праздничношатающаяся публика, как объяснила Истома.

- С их нравами ты ещё столкнёшься. А сейчас мы проходными дворами, не привлекая внимания, доберёмся ко мне.

Они достаточно петляли по тёмным, сырым и вонючим туннелям проходных дворов, прежде чем Истома облегчённо передохнула:

- Добррались. Ковригой тебя по карртузу!

На её голос из-за массивной двери выскочили два воробья в оранжевых лакейских костюмчиках. Истома отдала им велосипед, распорядилась, куда снести макулатуру, а мышонку велела следовать за ней. Поднялись по лестнице на второй этаж, и попали в светлый роскошный зал. Сверкающий розовый пол, стены увешаны ковриками, зеркалами. Бесхвостому стало невыносимо страшно. Зачем, зачем он согласился? Слонялся себе по тёмным углам и ладно... А что ждёт его здесь?

Истома упала в кресло, взяла трубку телефона. Её многочисленное "карр" билось о стены и звенело, точно стеклянное.

Кончив разговор, Истома кликнула слуг и велела принести аквариум. Это оказался большой полу - шар, из голубого прозрачного стекла, с отверстием сверху. Приставили лесенку.

- Малыш, - обратилась ворона к Бесхвостому.- Тебе нужно залезть туда и - ни звука. Я скажу, когда будет можно. Потом тебя покормят.

Спустя некоторое время в зал понабивалась разнопёрая публика: журналисты сороки, теле - кинооператоры голуби, фоторепортёры скворцы . Снимали Истома, Бесхвостого в аквариуме, шуршали кассеты диктофонов, шелестели блокноты и ломались карандаши. Истома была сама улыбка! Ей наперебой задавали вопросы, совали под клюв микрофоны - всё фиксировалось как секунды величайшего открытия. Слуги накрыли стол, в честь хозяйки поднимались хвалебные тосты, ей пророчили почётное место в истории Города, и даже всего птичества.

- Я не удивлюсь, если завтра одна из улиц Города будет носить имя нашей очаровательной хозяйки! Я не удивлюсь, если послезавтра в парках и на площадях появятся её памятники! Я не удивлюсь, если уже сегодня...

- Да будет так!- перебили словоохотливого Жёлтого Грача. – Ура Истома!

Бесхвостому бросили кусок кукурузного холодца и плитку овсяного шоколада. Мышонок от волнения зверски проголодался и сразу набросился на холодец. И вновь щёлкали фотокамеры, жужжали кинокамеры и скрипели карандаши.

Когда всё было съедено и выпито, гости удалились. Истома, опьяневшая от счастья предстоящей славы, подошла к аквариуму.

- Пррости каррапузик... может, я поступаю жестоко, но такова жизнь... Мне нужны деньги, много денег... Завтрра я тебя прродам. Не бойся, это не больно. Тебя пририоденут, будут сытно коррмить... Посмотрреть на тебя будут выстрраиваться очереди... Согласись, это лучше, чем твой пошлый подвал...

Истома говорила ещё много непонятного, но мышонок понял одно: его обманули, и он уже никогда не вернётся в родной подвал... Бедная мамочка...

Бесхвостый горько заплакал.

- Поплачь, малыш, поплачь, крепче спать будешь.

От слёз и всего пережитого, мышонок совсем обессилил, и вскоре провалился в сон, как в глубокую сырую яму. Свернувшись клубочком, он во сне вздрагивал и всхлипывал. Но снился Бесхвостому светлый тёплый сон: на мотоцикле он катал мамочку по бетонным стенам подвала и она счастливо заразительно смеялась. Остальные мыши с ужасом позабывались в щели. А на потолке висела Истома, головой вниз, и в клюве держала горящую лампочку...

2. Чёрный Дрозд

Утром Бесхвостого разбудил шум. Зал был вновь заполнен публикой, к вчерашним добавились вальяжные индюки, важные гуси, деловые утки и кокетливые куры.

Аквариум стоял на двух столах, так что мышонка видели все хорошо.

Вчерашняя курочка кричала громче всех:

- Я...Я первая... Я...

Шум стоял невообразимый. Истома, полулёжа в кресле, цедила сквозь соломинку гречневый коктейль и шурилась в блаженстве.

- Семь тысяч!- выкрикнул тучный индюк. - А он не кидается?

- Десять! - ухнул гусак. - А он не гадит?

Мышонок не понимал, что происходит, терпеливо ждал конца этой перекличке, испуганно поёживаясь от резких криков.

Остановились на тридцати тысячах.

- Всё! Прродано! - возвестила, наконец, Истома, ликуя: теперь и у неё будет машина и ещё много чего, прежде недостижимого!

Появились полицейские-удоды:

- Папрашу разойтись! Торг окончен.

В опустевшем зале остались Истома и Сизый Гусь, владелец крупнейшего в Городе ресторана "Маринованный головастик". Он приблизился к аквариуму и просипел:

- Удача снова ко мне лицом! Ты мой! Клиент обеспечен!

- Смотри же, Сизый, - засмеялась счастливо Истома, - береги покупку, не зевай - уведут.

- У меня не уведёшь, - самодовольно заверил Гусь и, подойдя к окну, позвал кого-то.

Через минуту в зал вошли четверо сорокопутов с клеткой и сачком.

Бесхвостого осторожно поддели сачком, переправили в клетку.

- Не переживай, каррапузик, тебе там будет лучше, - на прощание бросила Истома, пересчитывая деньги.

Спустя четверть часа, Бесхвостого, усыпленного сонным зельем, два сорокопута в ванне усердно отмывали от подвальной грязи, в четырех водах с шестью видами пахучих шампуней.

А в это время по улицам Города носились разносчики газет - синички, выкрикивая на разные голоса:

"Последние новости! Оживший реликт! Покупайте "Птичье слово"!"

"Госпожа Истома подарила миру открытие! "

"Обладатель реликта, почтенный господин Сизый Гусь! Спешите посетить "Маринованный головастик"!"

"Сенсация века - живой реликт"!"

"Академия наук предъявляет свои права на реликта"!"

Страсти горожан разгорались, подгоняемые любопытством все устремлялись к ресторану "Маринованный головастик". Здесь уже собралась внушительная толпа, но в ресторан ещё не впускали.

Тем временем в зале ресторана освобождали большой квадратный аквариум - рыбёшек отправили на кухню. Вместо них поместили отмытого мышонка. Он ещё спал. Рядом с аквариумом встали полицейские.

Желающих лицезреть "сенсацию века" с каждой минутой становилось больше. Опасаясь, что они разнесут ресторан, Сизый Гусь распорядился запускать.

Весь день, и два следующих, с утра и до полуночи толпились у аквариума. Ничего не ели, не пили, только глазели и спорили до хрипоты. Сизый Гусь увеличил плату за вход, количество посетителей несколько убавилось. Это позволило навести порядок, и вскоре всё было, как и положено, в ресторане: ели, пили, танцевали.

К концу пятого дня Гусь увидел, что бездействующий мышонок уже не производит впечатления: как на обыкновенную рыбку смотрят.

Объявив следующий день санитарным, Гусь вызвал к себе в кабинет концертмейстера Чёрного Дрозда.

- Из перьев вон, а выдрессируй пару номеров. Иначе уволю.

Чёрный Дрозд очень дорожил местом, поэтому заверил, что разобьётся в блин, а выдаст номера.

Бесхвостого перенесли в круглую ярко освещённую комнату с бледно-вишнёвыми стенами. Стремительно вошёл Чёрный Дрозд в белом костюмчике, с бичом и пистолетом.

- Приведсдвую дебя коллега, - постучал по клетке.

- Вас тоже купили? - поинтересовался Бесхвостый, по-своему поняв слово "коллега".

Чёрный Дрозд поражённо замер, выронив бич.

- Чудесно! - наконец, придя в себя, воскликнул. - Ценю способных. Скажи: попка дурак.

Бесхвостый сказал. Дрозд пришёл в ещё большее ликование:

- Будед доволен клиент, будед доволен хозяин, буду доволен я, и ды будешь доволен! Чудненько! А ды не кусаешься?

- Нет.

- Славненько! Я всегда был продивником кнуда,- Дрозд отшвырнул бич, а пистолет сначала сунул в карман, но, подумав, отбросил и его.- Успеха, великолепного номера - я уверен! - можно добидься долька взаимопониманием. Я дебя понимаю, коллега, а ды?

Бесхвостый понимал, что его не будут бить, поэтому кивнул.

- Восхидидельно! Срабодаемся! Не будем дерядь драгоценных минут.

Дрозд открыл дверцу клетки и пригласил мышонка на выход:

- Побегай, разомнись.

Бесхвостый с удовольствием побегал.

- Отлично! Дай долька время, и мы задкнём за пояс цирк господина Зелёного Селезня! Мы обесценим его жуков и дараканов. Присдубим. Делай, как я,- Дрозд подпрыгнул, перевернулся в воздухе, и встал на лапы.

Бесхвостый попробовал повторить, но больно упал на спину.

- Ничего, коллега, - успокаивал Дрозд, - первая лепёшка всегда комом.

С каждым новым прыжком, получалось всё лучше, Дрозд расплывался от удовольствия. Бесхвостому понравилась игра, и он с охотой включился: снова и снова прыгал, вертел "сальдо". Потом учились ходить на передних лапках, стоять на одной. Мышонок очень старался, поэтому, видимо, всё отлично получалось. В полдень чёрный Дрозд заказал роскошный обед, стол

накрыли здесь же в репетиционной. Дрозд дружески хлопал Бесхвостого по плечу:

- Мурлыкай, мурлыкай всегда, даже если глядя продив перьев. Вод моё кредо. И тебе соведу. Будешь жидь в дебле и всегда сыдым. Ды не смодри, чдо хозяин дакой неиндересный. Да, он сухая каракадица, а не пдица, но когда ему помогаешь наращивады капидал, он добр и щедр. Дочь его младшенькая, двадцать седьмая, прелесдная гусочка, любого мозгами сдавид... Но эдо тебе не надо знады. Двое дело - быды всегда в форме.

Под вечер Дрозд доложил хозяину, что может уже показать несколько номеров. Сизый Гусь знал: у Дрозда слово не расходится с делом. Поэтому тут же выдал ему аванс, равный двум месячным жалованиям.

Через полчаса по радио объявили, что в ресторане "Маринованный головастик" горожан ожидает оригинальное развлечение.

Мгновенно выстроилась очередь.

И вот в последний раз повторили номера, условились по каким сигналам что выполнять. Бесхвостого одели в золотистые трусики и белую маечку.

- Ну, ни пуха, ни пера - Дрозд поплевал через левое плечо, и решительно вышел в зал.

- Дамы и господа! Вы имееды чедь присудсдвовады на необыкновенном предсдавлении. Предсдавидель вида живодных, кодорых мы счидали вымершими, высдупид перед вами, как ардисд. Я имею чедь с ним работады, и получаю огромное удовольсдвие. Идак - живой реликд!

Это был сигнал для Бесхвостого. Он появился с условной улыбкой во весь рот.

Воцарилась мёртвая тишина, клиенты испуганно вжались в кресла: реликт на свободе, без намордника... А вдруг бросится?

Дрозд сделал условный знак, и Бесхвостый подпрыгнув, провернул красивое сальто.

Клиенты ещё больше вжались в кресла, затаив дыхание. Мышонок решил, что таким образом они выразили своё восхищение, и в азарте принялся выделять сальто-мортале вдоль столиков. С визгом повскакивали дамы и

рванулись к выходу, смяв швейцаров. Господа следом. Один, перед тем, как убежать, метнул в Бесхвостого блюдо с ячменным рулетом. Мышонок совершенно случайно в прыжке поймал блюдо. Он решил, что это ему плата за хорошо выполненный номер, и тут же принялся уплетать за обе щёки.

- Bravo! Бис! Чудненько!- ликовал Дрозд, в порыве радости чмокнул мышонка в затылок, и прошёлся колесом вдоль опустевшего зала.

Вы знаете, что, значит, разозлить гусака? Вот таким влетел в зал Сизый Гусь. Он топал лапами, шипел, брызгая слюной:

- Разоритель! Вон! Уволен!

Чёрный Дрозд поправил галстук, убрал чёлку с глаза, и с достоинством произнёс:

- Искусство дребуед жердв. Вы ещё пожалееде: насдоющие ардисды на дороге не валяюдся, - Проходя мимо Бесхвостого сказал: - Насдоющее искусствдо не умираед. Помни эдо, коллега. - И ушёл с гордо поднятой головой.

Сизый Гусь переключился на мышонка, продолжая топать, шипеть и исходить слюной. Наконец, крикнул слуг и Бесхвостого водворили в аквариум.

Долго в эту ночь не мог заснуть мышонок, всё думал и не мог понять: за что выгнали Дрозда, что сделал плохого он, Бесхвостый, ведь всем понравилось его "искусство", ведь все кинулись позвать других посмотреть... и рулет бросили не просто так...

Тем временем Чёрный Дрозд брёл по безптичным улицам, с чемоданчиком и зонтиком. Он стучался в гостиницы, ему говорили: "Нет мест". Предлагал свои услуги, но они не требовались.

Шёл, шёл Дрозд и вышел за Город, на перекрёсток трёх дорог. Дорога прямо вела в Инкубатор, столичный Град. Дорога влево вела в Страну Безногих. Дорога вправо - в Страну Белой Ночи.

Стоял Дрозд и думал, куда направить стопы. В Столице провинциалу с его принципами не выжить, ибо не сможет приспособиться к диким столичным нравам. В стране Безногих он будет презренным иностранцем, и однажды из него просто сделают жаркое. Остаётся Страна Белой Ночи, царство ночных

птиц. Пойду, решил Дрозд, как-никак дальние родственники, авось не обидят, примут.

И он быстро зашагал, напевая в такт шагам:

- Мы едем-едем-едем

В далёкие края...

3. Похищение

Утром весь Город знал о происшествии в "Маринованном головастике". Переходя из клюва в клюв, история обрастала такими подробностями, что многие хватались за голову. К обеду уже говорили, что реликт семерых изрядно покусал, а троих насмерть загрыз.

Сизый Гусь поспешил расклеить объявления: " Продаётся..."

Разгневанные горожане срывали объявления и вопили, как недорезанные:

- Умертвить! В музей его на чучело!

- В Академию сдать на опыты!

В Академии как раз об этом и совещались, в итоге назначили делегацию к владельцу реликта. Подоспели как раз вовремя: толпа грозилась не оставить камня на камне от ресторана, а из реликта сделать фарш. Гусь, не торгуясь, отдал учёным мышонка за пять тысяч.

Как несколько дней назад восхищались и поражались репортёры, теперь восхищались и поражались учёные. А их, между прочим, не просто поразить. Бесхвостый был во всеобщем внимании. Поначалу он немного струхнул: кто его знает, чего ожидать от этих в белых халатах. Носились в воздухе незнакомые и потому пугающие слова "эксперимент", "особь"...

Когда поутихло всеобщее возбуждение, успокоился и Бесхвостый, подумал: а не заговорить ли с ними?

- Я не кусаюсь,- неожиданно для себя выпалил.

- Феноменально!- завопили учёные.- Говорящий мышь! За границей лопнут от зависти!

И снова поднялся такой шум и гвалт, будто каждому наступили на любимую мозоль, или каждому присудили Птеродактилеву премию.

Старейший академик Седой Грач слёзно смотрел на мышонка:

- Ку-ку, скажи: привет, академик.

Бесхвостый сказал. Академик едва не задохнулся от нахлынувших чувств. В эту минуту он почувствовал себя первооткрывателем сверхъестественного, трижды лауреатом Птеродактилевой премии. Академик натянул перчатки и совсем не больно вытащил мышонка из клетки.

- Спасибо, - сказал Бесхвостый, а академик пуще прежнего прослезившись, прижал его к груди, как не прижимал ещё ни разу своих грачат.

Учёные с умилением наблюдали эту картину.

- Я беру его домой, - внезапно объявил Грач. - Требуется тщательное, визуальное изучение. Согласитесь: не каждый день нам природа делает такие подарки. На нём можно написать сотни диссертаций, надеюсь, хватит на всех. Запасайтесь терпением и бумагой.

Недолго думая, Грач поспешно оделся, и через пару минут они уже катили по вечерним улицам Города. Старый академик блаженствовал, непрерывно потечески трепал загривок Бесхвостого и что-то говорил непонятное, видимо научное. Мышонок чувствовал себя неплохо, с любопытством озирался по сторонам и думал, что здорово бы и Чёрному Дрозду попасть в Академию. Где он, бедняга?

Наконец, въехали в просторный треугольный двор. Из дверей подъезда выскочили с десятков грачат с игрушечными пистолетами и тут же обстреляли машину горохом.

- Пятеро моих, остальные соседские, - сообщил Грач и, приспустив стекло, шуганул озорников. Грачата с писками рассыпались в стороны, кинулись в проходной двор.

Водитель-стриж выскочил из кабины, услужливо распахнул дверцу. Академик вылез, подал крыло Бесхвостому. Вошли в дом. К академику бросились слуги, приняли шляпу, плащ.

- Проводите его в мой кабинет, - распорядился Грач. - Не бойтесь: он смирный. И прекратите так глазеть - вы напугаете его! Я приму душ: от волнения изошёл потом.

Слуги-стрижи с опаской поглядывая на мышонка показали куда пройти. В кабинете было много разных приборов, ярких и заманчивых.

В форточку влетел визг со двора. Мышонок залез на подоконник, глянул вниз: за углом лежал грачонок и обстреливал ползущих на него других грачат:

- Пах-пах-пах! Убиты! Эй, ты чего ползёшь, я выпустил в тебя две очереди?

- А я в танке!

Над головой Бесхвостого зашуршало, он поднял голову и увидел сидящего на форточке белого воронёнка.

-Ты кто? - спросил воронёнок.

- Мышонок.

- Вспомнил: восьмой зал в Зоомузее, тридцать седьмая страница в Большой энциклопедии... Так это о тебе в газетах писали. А здесь зачем?

- Не знаю. Меня купили, для экспериментов и диссертаций...

-Тебя как зовут? Вот что, Бесхвостый, тебе надо бежать отсюда. Эксперименты - это очень плохо, а иногда и больно. Верь: на мне тоже проводили эксперименты. Говорят, в семье не без урода. Когда я был ещё птенцом, то упал с балкона девятого этажа и должен был разбиться, но я... полетел. Мне это здорово понравилось. А все считают, что это уродство. У нас уже несколько сот лет никто не летал. Меня дразнят Икаром. Я ищу попутчика в Зоорай. Хочешь со мной?

- Хочу,- сказал Бесхвостый, скорее машинально, чем осознано.

- Как только в доме все заснут, я прилечу за тобой... - Икар не договорил: в кабинет размахисто вошёл Грач в радужном халате нараспашку.

Икар исчез.

- Поработаем!- Академик посадил мышонка в маленькое креслице, на лапки надел блестящие браслетки с проводами, на голову - обруч с тремя лампочками и тоже с проводами, уходящими к приборам.

Грач нажал несколько кнопок, замигали разноцветные лампочки, запыкали приборы, запрыгали стрелки, самописцы рисовали кривые. Бесхвостый ничего неприятного не ощущал. Грач вооружился блокнотом и остро

отточенным карандашом, быстро списывал данные. Эксперименты длились до поздней ночи, у мышонка слипались глаза, и было мокро под мышками. Он уже ничего не соображал, голова казалась шаром, набитым перепревшими листьями. Он, конечно же, забыл про Икара.

А воронёнок тем временем на подоконнике дремал в ожидании, когда погаснет свет в окне академика. Постепенно сон его сморил окончательно, и снилась Икару неведомая загадочная Страна Зоорай.

- Всё!- Грач устало выключил приборы, освободил мышонка от браслетов и обруча. - Сейчас мы примем кофе по-сорочьи, а после чудненько поспим.

Полусонный мышонок поплёлся за академиком в ванную комнату. Тотчас туда внесли несколько вёдер кофейных зёрен и высыпали в ванну. Академик сунул в гущу градусник:

- Чудненько! То, что надо.- Живо сбросил халат и нырнул в кофейные зёрна. Высунув голову, позвал Бесхвостого: - Присоединяйся.

Минут через пять они почувствовали себя, как заново вылупившимися. Академик, посвежевший, рассказывал анекдоты, и сам заливался птенчиковым смехом:

- Однажды жена Скворца, во время уборки, сказала: "Муженёк, пройди немного вперёд". Скворец тотчас надел шлёпанцы и пошёл из дому. Он шёл так часа два и, повстречав знакомого, сказал: "Пойди, спроси у моей жены, идти ли мне дальше?" Хи-хи-ха-ха-хо-хи...

Икар в очередной раз во сне соскользнул с подоконника и взмыл у самой земли. Поднявшись, заглянул в окно академика, и понял, что в эту ночь побег мышонка не состоится. Икар вернулся к себе и уснул, наконец, по-птичьи.

Грач рассказывал очередной анекдот:

- Однажды ночью к Скворцу проник вор и, забрав все его вещи, ушёл. Тогда Скворец взвалил на спину постель и последовал за ним. Когда вор вошёл к себе в дом, Скворец захотел юркнуть следом. Но вор сказал ему: "Чего тебе нужно у меня в доме?" А Скворец ему заметил: "Как, разве мы не переселились в этот дом?" Хи-хи-хо-хо-ха-ха...

А в это время по крыше дома действительно крались воры - Одноглазый Удод, выгнанный из полиции за употребление хмельных напитков в рабочее время, и Крошка Щегол, непризнанный театральный критик. Лезли они не за вещами и драгоценностями, а за... Бесхвостым. Нужен он был вот зачем. Их

частная фирма "Рыбья перхоть" потеряла работника, ценнейшего работника Малютку Водяного Воробья. Простудился - и аминь. Печальный факт, если учесть, что специфика фирмы подводная добыча. В пригородном водоёме водилась неприхотливая рыбёшка, во время нереста её чешуя приобретала свойства, ради которых её и промышляла "Рыбья перхоть". Суть такова: если взять эту чешую и старательно промыть, затем в течение двух-трёх часов энергично встряхивать в холодной воде, затем отжать, получится молочно-белая жидкость с серебристым оттенком. Её в свою очередь разбавляют спиртом и дают несколько дней отстояться в тёплом месте. Потом спирт сливают и заливают новым, чистым. Это повторяется до тех пор, пока жидкость не станет сиропом. Остаётся смешать его с желатином, вскипятить и полученной массой наполнить стеклянные шарики. В итоге получается то, что ужасно походит на настоящий жемчуг высшего класса. Распознать обман могут только большие спецы. Любительницы украшений, далёкие от знаний, охотно раскупили фальшивый жемчуг. Фирма процветала. И вдруг Малютка Воробей навсегда сложил крылья. Думали: крах грядёт. Дело в том, что во время нереста рыбёшка весьма пуглива, опускается на самое дно, забивается в глубокие потаённые уголки. Ничем её оттуда не выманить. Вот Малютка Воробей и занимался тем, что сгонял рыбёшку с места нереста, сеял меж ними панику и направлял косяк в расставленную сеть...

В день, когда фирма готова была распуститься, пресса растрезвонила о некоем существе реликте, который сутками сидит в аквариуме. Журналисты впопыхах забыли упомянуть, что в аквариуме не было воды.

Одноглазый Удод привязал к трубе барьера шёлковую нить, бросил конец на балкон.

- Лезь, - приказал Крошке. Тот неуклюже ухватился за нить и соскользнул вниз.

Удод подождал немного и тоже спустился. Балконная дверь заперта изнутри, форточка высоко. Удод нагнулся, Крошка Щегол запрыгнул ему на плечи, подтянулся, поставил лапку на гвоздь в раме и оказался на форточке.

В комнате темно. Крошка Щегол спрыгнул на стоящий на окне цветочный горшок, а с него на подоконник и на пол. Щеглы не совы и не летучие мыши, поэтому продвижение было медленным, наощупь. Юркнул в приоткрытую дверь и оказался в коридоре; здесь было посветлее: свет лился сквозь стеклянную дверь ванной. Крошка подошёл вплотную к двери, прислонился, наострив слух:

- ... Днём Скворец сажал у себя в саду деревья, а вечером выдёргивал их и уносил домой. "Что это значит?" - спросили у него. " Время нынче такое, что лучше своё добро держать при себе". Хи-хи-ха-ха-хо-хо...

Шутка Крошке показалась остроумной, и он, тихо, поддержал в смехе рассказчика. Послышались шаги, Крошка вжался в угол.

Слуга внёс в ванную поднос с двумя фужерами с торчащими соломинками. Крошка судорожно сглотнул: невыносимо захотелось пить. Но сначала дело, всё остальное потом.

Слуга удалился, и Крошка вновь приткнулся к двери. Реликт здесь! Но и академик тоже. Что делать? Академик опять стал рассказывать смешную историю. Крошке она показалась очень знакомой. Точно: это же анекдот из последней комедии господина Чибиса "Три гусеницы". Крошка Щегол представлял её, как новый шаг в драматургии водевиля, но его подняли на смех, объявили неучем и исключили из Союза критиков... За некомпетентность. Несправедливо, пусть все знают! Несправедливо!

И Крошка Щегол, вне себя от вспыхнувшей с новой силой прежней обиды, протиснулся в ванную и с ходу начал:

- Отрицать - это и дурак сможет! Говорил, говорю, и буду говорить: "Три гусеницы" есть новый шаг в драматургии водевиля. Я бы сказал... это смело новаторски...

Академик спокойно отставил фужер, лёг поудобнее и сказал:

- Комедия шла под общий смех... исполнителей, зритель умирал от скуки.

- Это лишний раз говорит, что зритель не дорос до таких вещей! - распалялся Крошка.

- Но всё такое близкое, родное... набившее оскомину. И совершенно нет борьбы. А её нет только на кладбище...

- Есть! - горячо перебил непризнанный критик. - Есть борьба! Но её сразу не видно, ибо как говорит пословица: великое делается втайне...

- Дураку натёртая до блеска, золотую кажется железка,- усмехнулся в пол - голоса академик.

Крошка не расслышал, переспросил.

- Погреться не желаете? - неожиданно предложил Грач.

- Отчего же... С удовольствием,- Крошка, не раздумывая, присоединился к академику и реликту.

- Ха-ха-ха, - засмеялся Грач. - Ещё анекдотец вспомнился. Приходит жена Скворца к ветеринару: "Доктор, у моего мужа правая лапа, короче левой. Что делать?" "Хромать", - сказал ветеринар.... Хи-хи-хо-хо-ха-ха...

Ждал, ждал Одноглазый Удод своего компаньона и сам полез. Вскоре он увидел, что происходит в ванной.

- Ну, погоди, желторотик!- нехорошо подумал о Крошке.- Ты у меня ещё узнаешь, где ночуют пауки! - с этими словами Удод достал пистолет с усыпляющими пулями, резко распахнул дверь и выстрелил в Грача.

Крошка Щегол вылетел из ванны, и, не дав опомниться мышонку, набросил на него халат академика. Подошедшему шефу горячо зашептал:

- Что так долго?... Засекли, действовал по обстановке, подавал сигналы, а тебя всё нет и нет...

- Ладно, - сказал Удод, и вторым выстрелом усыпил Бесхвостого. - Дома разберёмся. Уходим.

4. Побег

Первое что они увидели, подходя к дому, это раскрытое окно на втором этаже. Недоумённо переглянулись.

- Что это значит?

- Не знаю, шеф, - с трудом выдавил Крошка под тяжестью мышонка.

- Разведай, - Удод снял с компаньона ношу, оттащил за угол дома. - Если что - свисни.

Крошка судорожно сглотнул, покосился на шефа, и понуро вошёл в подъезд. Тишина как в склепе. Пахло отвратительно: не то подгоревшими бобами, не то тараканьим помётом. Крошка с болью в сердце вспомнил прежнюю свою квартиру, и что в подъезде всегда вкусно пахло свежесваренным ячмённым кофе... ах!

Смахнув набежавшие слёзы, Крошка стал подниматься по лестнице.

Дверь в их квартиру была приоткрыта, на ручке висела подклёванная кукурузная сосиска и клочок бумаги. Крошка приблизился и прочёл: " У вас испортился холодильник. Испорченные продукты залог кишечных заболеваний". Крошка понюхал сосиску и согласился: да, с запашком.

В квартире суший бардак: всё перерыто, разбросано. Кое-что из ценностей пропало.

Крошка спустился вниз, доложил об увиденном. Удод мрачно выслушал, философски изрёк:

- Смешно: вор украл у вора...

- Да, - согласился Крошка. - Оригинальная сюжетная линия. Она мне напоминает дебют Чибиса - трагедия в стихах "Спящая жужелица"...

- Заткнись! - прошипел Удод, схватил узел с мышонком и ринулся в подъезд.

Крошка, пробормотав извинение, поплёлся следом.

Осмотрев погром, Удод мрачнее тучи, сунул компаньону подклёванную сосиску:

- Глянь в микроскоп - по слюне определим... А тебе, суфлёр, в последний раз делаю предупреждение: вызови мастера. Не то я тебя так отделаю, ни один мюзик-холл не возьмёт...

- Будет сделано, шеф, - Крошка метнулся к телефону.

- Не сейчас! - рявкнул Удод, смачно выругался: - Цыпленок - табака! Неси нашатырь.

Пока Крошка искал нужный пузырьёк, Удод размотал Бесхвостого, усадил в кресло, где на подлокотниках были закреплены полицейские наручники. Защёлкнул их на лапках бедного мышонка.

- Шеф, беда... - донеслось из дальней комнаты.

- Что там ещё?

- Пузырёк разбит, ничего не осталось,- показался Крошка с пробкой и осколками от пузырька.

- Тухлое яйцо! - матюгнулся Удод. - Чего стоишь? Дуй в аптеку!

- Шеф, три часа ночи...

- Котлета блошиная! - взвился Одноглазый.- Объясняю для тупых по-пу-ляр
- но: дежурная аптека работает круглосуточно!

- Я как раз тоже подумал про дежурную... - начал Крошка, но шеф грозно надвинулся и того, как ветром сдуло.

Немного успокоившись, Удод принялся рассматривать сосиску под микроскопом. Ха, старый знакомый! Красавчик Дрозд! Еще, будучи полицейским Одноглазый неоднократно встречался с этим мастером квартирных краж. Всё не было прямых улик засадить Красавчика за решётку. Правда, однажды Одноглазому удалось прищучить его, и Красавчик получил по заслугам. Похоже, он опять на свободе и взялся за старое. То ли случайно залез сюда, то ли мстит Одноглазому. Ладно, разберёмся. Удод представил, с каким удовольствием он отпинает Красавчика, и как тот, обливаясь слезами и соплями, вернёт всё украденное. А потом... потом Одноглазый предложит работать с ним. Этот вшивый театрал помётный компаньон, достал уже своей тупостью. Теперь с таким приобретением, как реликт, фирма выльется в... синдикат...

Оставим пока Одноглазого в сладостных мечтах, и посмотрим, где Крошка Щегол.

До дежурной аптеки оставалось немного, когда Крошка услышал звук разбившегося об асфальт стекла. Из-за поворота показалась птица в пижаме, под мышкой у неё стопка тонких зеркал. Крошка без труда признал в нём владельца крупного кондитерского магазина "Медовая тля" Сивого Ворона. Крошка мельком знаком с ним: Ворон слыл заядлым театралом, к тому же охотно меценатствовал на развитие новой драматургии. Два месяца назад от него ушла супруга к Фазану, городскому судье. Уходя, якобы, заявила: "Все годы нашей совместной жизни были сплошное несчастье. А теперь, наконец, я обрету счастье". Ходили слухи, что Ворон слегка помешался в уме.

Крошка вжался в настенную нишу, затаил дыхание, мысленно подгоняя сумасшедшего: давай, давай, проходи скорее...

Но как назло Ворон остановился напротив, повертел головой и сказал:

- Выходите, любезный, я вас чую, - подождал и продолжил: - Выходите... или я не знаю что сделаю...

Крошка вышел.

- Это правда, что разбитое зеркало к несчастью?- подступил к нему Ворон.

- Правда, - быстро ответил Крошка.

Ворон отделяет одно зеркало от стопки и - хрясть! об асфальт:

- Хочу несчастье!

- Зачем?- вполне искренне спросил Крошка.

- Все счастливы, один я несчастлив. За что? Кому я хоть крошку зла причинил?- и второе зеркало - хрясть! - Хочу несчастье! Всегородского! Всеобластного! Все... Вот так! - и ещё одно зеркало об асфальт.

- Я тоже несчастлив, - сказал вдруг Крошка и почувствовал, как ему хочется расплакаться.

Ворон положил осторожно зеркала на тротуар, горячо обнял Крошку, выдохнул со слезой:

- Братишка!

Они постояли, немного так обнявшись и роня слёзы друг другу на спины. Затем Ворон разделил зеркала на две равных половины.

- Держи, братишка, - протянул одну Крошке. - Мы теперь единомышленники. Вперёд! Верь, взойдёт она звезда пленительного несчастья! И тогда поймёт она, моя Вранушка, что счастлива была только со мной. Я посвящал ей каждый новый сорт конфет!.. Кстати, ты пробовал новинку "Мошки в шоколаде?"

Крошка грустно помотал головой, встрепенулся, испугавшись, что огорчит Ворона, и быстро перевёл тему :

- У вас хорошая дикция. Вам бы в театре играть. Вы смотрели спектакль "Татуированное яйцо?" Там есть роль отца семейства...

И они пошли по улице. Крошка совершенно забыл про аптеку и про шефа: он разливался сладкоголосой цикадой и был безмерно счастлив, ибо его слушали! Ворон действительно слушал внимательно, а когда Крошка делал паузу, чтобы передохнуть, он швырял об асфальт очередное зеркало:

- Хочу несчастье!

- На счастье! - невнятно вторил Крошка, тоже бросал зеркало и продолжал: - А вы знаете, театр - это...

А в доме академика происходило следующее. Придя в очередной раз в ванную, слуга увидел хозяина недвижимым, на "лице" капелька крови. Реликта нет! " Вурдалак! Высосал кровь..."- осенило слугу, и он поднял шум. Сбежались домашние, академика отнесли в спальню. Над ним склонился домашний лекарь. Вскоре объявил:

- Он спит.

- А...кровь?

- Чепуха, царапина.

Шум в доме долетел до чердака и разбудил Икара. Он спустился вниз, на балкон академика, прислушался. Искали Бесхвостого. Значит, мышонку удалось бежать, и сейчас он где-нибудь ищет его, Икара.

Воронёнок облетал все закоулки двора, побывал в ближайших чердаках. На зов никто не отозвался. Бесхвостый как в воду канул. В Город он, конечно, не пойдёт, а раз его нигде нет, значит... похитили. Икар вернулся на балкон академика и внимательно осмотрел окно, балконную дверь. И обнаружил следы Удода. От неожиданности едва не поперхнулся восклицанием: реликт похищен полицией! Странно: если Бесхвостого решили арестовать за покусанных в ресторане, это можно без труда сделать днём, с ордером. Закон у нас уважают. Напрашивается нехороший вывод: похищен с корыстной целью. Мысли одна за другой набегали, толкались, бранились и разбегались, так что Икар не пришёл к единому мнению, и решил понаблюдать у полицейских участков. Авось, что и прояснится.

Между тем Одноглазый достиг в мечтах желанных высот и, наконец, взглянул вниз. И увидел, что Крошка отсутствует уже более получаса. За это время можно было перетаскать всё содержимое аптеки. Опять, бледный желток, читает где-нибудь лекцию о современном положении драматургии. Пообещав из Крошки сделать омлет, Одноглазый подошёл к раковине и набрал полный чайник холодной воды, затем хладнокровно стал поливать ею Бесхвостого.

Мышонок постепенно приходил в себя.

- Ну, вот, совсем другое кино, - дружески улыбнулся Одноглазый.- А то всё спишь и спишь, головка разболится.

Мышонок удивлённо осмотрел себя:

- Зачем это?

- Формальность. Не обращай внимания. Лапки не жмёт? Ну и славно. Представь: ты летишь в межконтинентальном лайнере, комфорт экстракласса. И хочется расслабиться, вести непринуждённую беседу. Тебе хочется?

- Я пить хочу.

- Сочувствую. Но у нас сломался холодильник, и всё испортилось. Потерпи, во имя здорового желудка. Здоровье надо беречь. Тебе не хочется иметь верного, воспитанного и богатого друга?

- Хочется...

- Так радуйся: ты нашёл! Вот он, перед тобой. Поздравляю с удачной находкой! И себя тоже. Ты будешь иметь всё, что захочешь. Ну, скажи, что ты желаешь?

- Пить.

- Пить ты будешь, что угодно. Купаться будешь в лимонадах, бульонах, соках и рыбьем жире... Но для этого надо поработать. Кто не работает, тот не пьёт молоко божьих коровок. Уловил?

Бесхвостый, из опасения возражать, согласно кивнул.

- Гоголь-моголь! - обрадовался Одноглазый. - Ты мне нравишься. Я, пожалуй, освобожу тебе одну лапку.

Чайник стоял не далеко, и мышонок потянулся освобождённой лапкой, но Одноглазый быстро перехватил, мило улыбаясь, поинтересовался:

- А плавать ты умеешь?

Бесхвостый не умел.

- А нырять? - Одноглазый отхлебнул из чайника, отставил его подальше. - Мда... Клопа в мешке.

- Ямышь,- поправил Бесхвостый.

- Да будь ты хоть жук колорадский, мне ты зачем, если плавать-нырять не умеешь!? Мне водолазы нужны, во-до-ла-зы!

- Вы отпустите меня?

- Заткнись, оспа куриная! Омлет горелый! Навязались на мою шею дармоеды! Попались бы вы мне, когда в полиции служил... Я бы вам показал, где пауки ночуют!

Одноглазый бегал по комнатам, расшвыривал предметы, но ничего не придумав, решил сходить к старому знакомому бывшему адвокату Дятлу: спросить совета.

Мышонок некоторое время сидел, не двигаясь, но жажда заставила его попытаться дотянуться до чайника. Добрался, таща за собой кресло. Перевернул чайник ипил захлёб живительную влагу. Брюшко приятно наполнилось холодной тяжестью. Передохнув, стал думать о побеге. Ничего хорошего от этого психа не дождётся. Икар, наверно, без него улетел в Зоорай...

Бесхвостый потащил кресло на кухню, к столу, где лежал нож. Почувствовав рукоятку ножа, мышонок, словно вдвое сильнее стал. Не раздумывая, принялся ковырять подлокотник вблизи наручника.

Освободившись, Бесхвостый кинулся на балкон. К счастью, дверь не была заперта. Прохладно, приближалось утро, небо усыпано звёздным зерном. Город спит, опоясанный ожерельем фонарей. Рядом с балконом протянулась густая коса вьющейся зелени, вверху она даже захлёстывалась на крышу. По ней и поднялся мышонок до чердачного окна, присел передохнуть.

Внезапно его резко дёрнули, швырнули на что-то колкое и шуршащее.

- Лессать!- просипели в самое ухо.- Отвессай на вопросы, есси хоссеш осстаться в ссивых. Ясно?

- Ясно.

- Вопрос первый: зассем залесс сюда?

- Я сбежал,- Бесхвостый решил говорить правду, чтобы не запутаться.

- Откуда?

- Со второго этажа. От Удада.

- Полиссия?! На кого работаеес?

Бесхвостый не понял вопроса и сказал:

- Я сам.

- Мы понимаем: ссасный детектив. Это осень хороший работ. Правда, беспокойный. Вссавай, мы в каком-то роде коллеги.

"Опять", - печально подумал Бесхвостый, и ему нестерпимо захотелось к себе в подвал. К мамочке...

Ему помогли подняться, отряхнули прилипшие крошки шлака. Глаза освоились с темнотой и Бесхвостый увидел перед собой... мышь, но летучую.

Бесхвостого взяли за лапку, и повели в дальний угол чердака, там оказалась небольшая каморка. Имелась лавка с тюфячком, столик и стул.

- Куссать хоссесс?

- Хочу.

- Ссадиссь. Ссейссасс отметим твой оссвобоссдение.

На столике лежала карта Города, вся испещрённая пометками. Летучий Мышь аккуратно скрутил её в рулончик, перетянул резинкой и поставил в уголок. Из-под столика достал квадратную бутылку и два газетных свёртка.

- Проссю проссения сса сскромное угоссение.

На бутылочной этикетке изображён муравей с бокалом, над его головой веером слова: "Муравьёвка. Сухое, крепкое". В свёртке были салат из бабочек, гусеничная колбаса и просяной батон.

Летучий Мышь наполнил по полстакана, поднял свой:

- Выпьем сса сснакомсство. Я - Лэм.

- Бесхвостый, но все говорят, что реликт.

- Меньссинсство подссиняется большссинсству. Сснассит, ты Реликт. Отссен приятно.

Выпили. Бесхвостого буквально всего перекосило.

- Ссакуссивай, ссильная ссарасса.

Мышонок резво налёг на колбасу и булку. Лэм ещё выпил.

-Ты есс, не сстесняйсса. Я пойду, выгляну, - Лэм растворился в темноте.

Бесхвостый уплёл колбасу, и принялся за салат. Вернулся Лэм, изрядно пошатываясь, язык заплетался:

-Ти хороссий парень, Релик, ти мне нрависса. А ти меня увассаеес?
Помётная насса работа! Ссписс не так, есс в сухомятку. Ти кусай, кусай...

Но кушать больше было нечего, да и достаточно: Бесхвостый наелся.

- Босс болван, думает, ссдесс делов-то клоп наплакал, - продолжал плакаться Лэм.- Платит по ночной сставке. Несправедливо! Ссдесс две дневные нуссно платить... Вссё, выполню это ссадание и порву контракт...

- А какое у тебя задание? - спросил Бесхвостый, ему стало очень жалко Лэма и захотелось помочь, тем самым расплатиться за щедрое угощение.

- Ерунда на рыбьем ссире,- ругнулся Лэм, шмыгнул носом и, понизив голос, сообщил: напротив этого дома ресторан "Тараканьи ножки" известный во всех краях своим фирменным блюдом - гуляш из почек мухи цеце, тараканьих лапок и селезёнки майского жука. Собственно ценность гуляша в особом его приготовлении. Вот босс Лэма и послал его выведать секрет. – Я уссе ссесстые сутки сслессу сса процессом приготовления и вссё не могу усснать: что и сколько кладут в блюдо, какие сспесии, сколько дерссать на огне...

- А если похитить повара и расспросить?- предложил Бесхвостый, вспомнив свои злоключения.

- Моссно, только мне одному не ссправисса... тепер мы сс тобой спра... сспра... виса...- Лэм умолк и тотчас захрапел.

Бесхвостому спать не хотелось. Он взял бинокль Лэма и отправился к слуховому окну. В ресторане было видно часть кухни и широкий обеденный зал. На эстраде матово поблёскивали музыкальные инструменты.

Рядом с рестораном косметический салон. Над входом неоновая реклама: "Пользуйтесь нашим кремом от загара, и вы будете иметь бледный вид!".

На фонарном столбе белел листок с размашистой надписью. Если бы Бесхвостый мог читать, он бы прочёл: "Продаётся лицензия на пародирование двух известных поэтов..."

Далее - перекрёсток. И вдруг... Бесхвостый своим глазам не поверил: на подоконнике дома с вывеской "Полиция" сидел Икар и заглядывал в окно. В комнате за столом три удода играли в карты.

Бесхвостый воспрял духом: значит, Икар не улетел! Он ищет его...

Не раздумывая, мышонок выбрался на карниз, ухватился за растительную верёвку и стал спускаться.

5. Икар

Икар не меньше мышонка обрадовался встрече.

- Летим ко мне.

Бесхвостый сел сверху на воронёнка, и они взмыли над городом. На центральной площади у памятника Белой Утке они увидели Крошку Щегла и Ворона. Они о чём-то горячо беседовали и разбивали зеркала о пьедестал.

- Хочу несчастье!- кричал Ворон.

- На счастье! - вторил Крошка.

- Неврастеники,- сказал, повернув голову, Икар. - Почему это не считается уродством? А стоит полететь и ты уже урод.

Комнатка Икара была чудной. Потолок выкрашен в голубое, стены в бирюзовый, на стенах висели картины - птицы в полёте.

-Ты не голоден?- спросил Икар.

- Нет.

- А я поем.

Уплетая жаркое из долгоносиков, Икар одновременно рассказывал о Зоорае. Впервые о нём услышал месяц назад. Летал за Город и встретился с юной путешественницей Ласточкой. Она уже полсвета облетела. Счастливая. Послушав о жизни в Городе Сладких Слёз, Ласточка посоветовала Икару лететь с ней. Но тогда он не мог: болела мама. Она умерла на прошлой неделе. Теперь Икара ничто не держит, но одному лететь скучно. В Зоорае нет бедных и богатых, там все птицы высокой души, печали не знают их сердца. Но главное: там можно летать, не боясь, что тебя сочтут уродом.

Икар сказал, что полетят вечером, с наступлением сумерек.

- У меня есть ещё дела в Городе. А ты отдыхай, смотри журналы, слушай музыку.

Из транзистора лилась усыпляющая мелодия, журналы так же однообразностью тем и серостью оформления, утомляли глаза, так что Бесхвостый не заметил, как заснул.

Разбудил его монотонный шум, ломившийся с улицы в окно. Бесхвостый подошёл и глянул вниз. К дому приближалась кричащая толпа, в основном самки. С соседних улиц тоже текли пёстрые потоки. Охватили здание полукольцом, кричали все разом, так что не понять цели их прихода. И всё же из отдельных слов Бесхвостый понял, что виновником является Икар: он дурно влияет на птенцов, они пытаются ему подражать и разбиваются. Уже зарегистрировано двадцать семь случаев.

"Прекратить хулиганство!" - требовали мамы и бабушки.

Истошно сигналив, подкатили полицейские машины. Толпу оттеснили на несколько метров, постепенно стихли крики. Подъехала пожарная, живо приставили лестницу.

Мышонок понял, что сейчас поднимутся на чердак, и, конечно же, заберут его. Уничтожат и картины Икара. Этим рассерженным самкам только покажи - растерзают в клочья. Нельзя этого допустить!

Первый полицейский приближался к окну. Мышонок отпрыгнул, споткнулся и упал. Оказывается, одна половица была не прибита. Ею Бесхвостый и вооружился. Только показался хохолок над краем окна, как мышонок опустил на него половицу. Удод охнул и полетел вниз головой, шмякнулся о мостовую - и затих. Толпа вновь взволновалась, зашумела. Полицейские стали кричать в рупор: угрожали последствиями, если он сам не сдастся. Они думали, что Икар дома.

Мышонок улыбнулся: пусть думают.

Толпа наседала, полицейские едва сдерживали её. Над головами застрекотало: прибыл полицейский вертолёт. Завис над домом, из него выбросили верёвочную лестницу. Одновременно поднимались снизу. Вот снова показался хохолок. Бесхвостый швырнул половицу в голову полицейского и отскочил. Полицейский рухнул вниз вместе с половицей.

Автоматная очередь продырявила занавеску: стреляли из вертолёта.

В каминной трубе зашуршало, мышонок резко обернулся и увидел Икара.

- А ты молодец! Не испугался. По трубе сможешь подняться? Надо. Если мы попадём к ним - замучают. Давай.

Скрываясь в трубе, Бесхвостый видел, как Икар ещё одного полицейского сбил с лестницы. В трубе остро пахло сажей, она забивалась в глаза, нос. На середине засветилось оконце - был выдвинут кирпич, далее шёл желобок, сверху прикрытый черепицей. Отличный тайник. Следом влез Икар, вставил на место кирпич.

- Лезь в самый конец. Здесь им нас не достать. Жалко, картины погибнут.

- Ничего,- успокоил Бесхвостый, - прилетим в Зоорай, другие нарисуешь, лучше.

- Там они не нужны: там все летают...

Полицейские обшарили весь чердак, заглянули в трубу, осмотрели все этажи дома. Картины бросили толпе: зло согнать. Их тут же изорвали в клочья и сожгли.

Спустя четверть часа радио и телевидение в последних новостях сообщили, что сын Карнаухой Вороны, известный дурными наклонностями, бесследно исчез вместе с реликтом. "Напрашивается вопрос: а не Дух ли это Паршивого Козодоя в образе реликта посетил наш Город? Ведь высказывал же накануне священник Трясогузка, что в душу Икара вошли скверны Паршивого и его надобно публично сжечь, как это делали наши предки..."

Теперь попадись Икар с Бесхвостым в руки горожан и их ждёт неминуемая смерть. Долго не могли успокоиться горожане. Священник Трясогузка заявил, что Создатель Пернатых, наконец-то внял его молитвам и убрал нечестивцев из Города. В заключение проповеди Трясогузка сказал: следует на Городском Стадионе сжечь чучела Икара и реликта, дабы они вновь не появились. Горожане, жаждущие возмездия, поддержали его.

Академик Седой Грач выступил против, так его едва не растерзала возбуждённая толпа. Академика взяла под стражу полиция, проводила домой.

С наступлением сумерек, друзья вылезли на крышу. Над Городом трепетали отблески костров: на Стадионе жгли чучела.

-Летим,- Икар подождал, пока Бесхвостый удобнее усядется, оттолкнулся и взлетел.

Внезапно из-за небоскрёба вынырнул воздушный шар, Икар не успел увильнуть, ударился о купол, и друзья соскользнули в корзину, где их тотчас опутали сеткой. Шар удалился от центра на запад, пересёк широкую ленту

реки, спустился во дворе массивного деревянного здания с обилием резных наличников. С высокого крыльца сбежала стайка воробьёв. На крыльце остался солидный Синий Дятел, он важно дымил толстой сигарой и шурился.

Пленников освободили от сетки, окружили плотным кольцом. Икару связали крылья за спиной. Наконец, спустился и сам Дятел, внимательно, с нескрываемым удивлением, осмотрел Бесхвостого, затем Икара, и, по-всему, остался весьма довольный.

- Прошу прощения за столь... несурзное приглашение в гости. Хэ-хэ! Но посудите сами: вы ни за что не приняли бы моего приглашения. А я так жаждал вас видеть. И даже тешился мыслью, что мы договоримся, и будем вместе работать. Обещайте мне, что будете вести себя благоразумно, и я окажу должное внимание.

- Обещаем,- за обоих сказал Икар.

Ему развязали крылья, затем их проводили в просторную светлую комнату, где царил запах опилок и древесной смолы. Усадили за стол. Слуги стали подавать кушанья, с опаской и любопытством поедая глазами Бесхвостого: столько ужасного рассказывают о Реликте, а это довольно милое существо...

Икар, не дожидаясь приглашения, приступил к еде. Бесхвостый последовал его примеру. Еда была изысканной, всё больше импортная: гуляш из почек мухи цеце, тушёные цикады в сладком соусе, салат из высокогорных мхов, студень их лапок скорпиона.

Синий Дятел, небрежно развалившись в кресле, с наслаждением тянул из бокала коктейль из молочка божьих коровок. Наблюдая за "гостями", Дятел в сотый раз поздравил себя с удачным приобретением, глаза его добродушно улыбались: ничего, ничего, скоро все, кто именовал его бездарем, кто называл его творчество помётом желторотика... будут в ногах валяться с извинениями... его автографы будут продаваться на аукционах, как живопись великого Зяблика... Нет! Зяблика забудут, он исчезнет из памяти, его полотна будут... они станут банальными этикетками на пачках с крупой...

Синий Дятел был из тех немногих, которые однажды просыпаются с мыслью: я - гений! Но, как известно, пернатые в общей массе глупы, тупы и примитивны, они до старости остаются безмозглыми птенцами. Сами они не увидят твоей гениальности - нужно помочь им избавиться от "куриной слепоты". И тогда мир прогнётся пред тобой и все будут ходить на цыпочках в твоём присутствии...

До осознания своей гениальности, Дятел снимал посредственные карамельные сериалы. Он столько души вкладывал в них, а подлые журналюги и тупые критики обозвали его творения "одуванчиками"! И продолжают издеваться... Где им, безмозглым, понять, что "Моя замечательная голубка" и "Желторотики тоже умеют любить" - шедевры. И не просто шедевры, а вполне заслуживающие высших кинонаград – "Перламутрового Ящера" и "Яйцо Птеродактиля"... Теперь, с таким приобретением, Дятел всем покажет, у кого перья чище!..

- Зачем мы вам? - громко спросил Икар, вернув Дятла из заоблачных вершин.

- Всё очень просто, друзья мои...

За рекой находятся плантации особого сорта кукурузы. Плантации принадлежат секретному институту, сотрудничавшему с Гнездом - службой госбезопасности. Что они там создают и как используют, Дятла не интересует. А вот пыльца той кукурузы нужна позарез. Двоюродная тётка Дятла, Желна, владелица крупной компании по производству лекарств, обмолвилась, что пыльца та обладает фантастическими способностями. Достаточно один грамм пыльцы растворить в бочке воды и вода приобретает дивные качества: всяк её употребляющий, становится "чистой кассетой". Бери - и записывай, что душе твоей угодно. Вот Дятел и хочет всех киноакадемиков, критиков и журналюг превратить в такие "чистые кассеты", а потом записать нужную Дятлу информацию.

- Согласитесь: гениально придумано! Они у меня все, как миленькие, загомонят: Синий Дятел-гений! Золотые горы у нас в кармане будут. Ну, как?

Бесхвостый ничегошеньки не понял, хотя и очень внимательно слушал. Икар насупился, казалось, ушёл в себя. Икар размышлял: как пить дать, Дятел болен на голову, такие очень опасны, хоть и выглядят мирными и добродушными. Они с мышонком в полной власти Дятла. Нужны для воровства и доставки кукурузной пыльцы. Разумеется, помогать Дятлу Икар не намерен, но прямо высказать отказ опасно: сказав "нет", значит, подписать свою ненужность. Просто так Дятел не отпустит... Что же делать? Согласиться, а в удобный момент бежать...

- Мы согласны.

Бесхвостый удивлённо посмотрел на друга: почему он соглашается? Разве они не полетят в Зоорай?

- Замечательно! - Синий Дятел порывисто вскочил, подбежал к Икару и с чувством пожал ему крыло.- Приятно сознавать, что ты не ошибся. Только... - Дятел как-то странно посмотрел на Бесхвостого, - есть у меня малюсенькое сомнение, что вы... лукавите. Я не лыком шит, чувствую: устраниться помышляете, обмануть... Не советую. - Дятел что-то крикнул неразборчивое и тотчас вошёл тучный Сизый Голубь, водрузил на стол плетёную клетку. В ней, прижавшись, друг к дружке, стояли три суточных цыплёнка. Они были худы и грязны, с заплаканными личиками.

Рядом с клеткой Голубь положил грецкий орех и молоток.

- Я привык иметь дело с визуальными образами, - продолжал Дятел, всё также улыбаясь добродушно. - Вот и вам наглядный пример. Если вы не искренни и задумали меня обмануть, тогда... - кивнул Голубю, тот меланхолично взял молоток и – бац! по ореху - брызги во все стороны, на столе небольшая лепёшечка. - Я добрый птах, сердце у меня мягкое. Всегда был противником насилия. В моих творениях нет ни одной жестокой сцены, ни одного грубого эпизода. Но если мне возражают... я становлюсь очень нехорошим. Запомните это и зарубите на клюве. Если вы не вернётесь, то этих крошек постигнет участь ореха. Вы же не хотите им такой смерти?

- Нет, - глухо ответил Икар, ещё больше мрачней. - Мы сделаем, что вы хотите.

- Ну, и чудненько. Не буду вас более утомлять, отдыхайте. Советую хорошо выспаться: полетите ночью.

Икара и Бесхвостого оставили в маленькой уютной комнатке. У стен стояли кровати с горкой взбитых подушек. Едва они остались одни, Икар опередил вопрос мышонка, знаками показал: молчи, нас могут подслушивать.

Приблизившись вплотную, Икар едва слышно шепнул:

- Будь спокоен и ложись на меня. Выкрутимся.

Бесхвостый успокоился и, следуя примеру друга, расправил постель. А вскоре сладко посапывал.

6. РЫЖИЙ УДОД

В четыре утра их разбудили, подали лёгкий завтрак. Затем предложили надеть небольшие колпачки, которые плотно обхватывали голову.

Икар внешне не выражал беспокойства, но внутри всё больно сжалось: эти колпачки неспроста. Бесхвостый же воспринимал всё как незначительное явление, должное: он видел спокойствие друга и сам был спокоен.

Перед отлётом, к ним пришёл Дрозд. Объяснил задачу:

- Сразу за рекой увидите дом с пятью ребристыми колоннами. Опуститесь в саду. Дом под неусыпным наблюдением, поэтому внутрь можно проникнуть под землёй. У статуи "Влюблённая гусыня" есть пенёк, он отодвигается. Выход в спальне моего знакомого, Улыбка-Стриж. Скажите пароль: "Услада". Получив ответ: "Блажен усладой", раскроетесь. Что не ясно?

-Всё ясно, - сказал Икар. - Только, зачем эти... головные уборы?

Дрозд благодушно улыбнулся:

- Мой папа частенько мне говаривал: "Никому не верь, даже если будут клясться детьми, матерью". А мамочка вторила: " Доверяй, но проверяй". Я так и поступаю. В колпачках радиоустройства, с их помощью я буду знать, где вы и что делаете. Я не хочу вас обидеть, друзья, но вдруг вы решите, что судьба цыплят вам, как прошлогодний снег... Решение может прийти неожиданно и увлечь вас. И оставите вы меня в дурачках. Вот я и подстраховался. Помните, на всякий случай: если отступите от плана, то я нажму здесь малюсенькую кнопку и - бамс! вам оторвёт ваши славные головки... Конечно же, этого не случится?

- Не случится,- судорожно сглотнув, проговорил Икар.

Теперь и Бесхвостый понял, что они здорово влипли. Если до этого и были у Икара планы побега, то теперь их нет...

В половине пятого, получив последние наставления, они вылетели.

Город тонул в неоновых огнях, тих и величав. Предутрие мягкое, с лёгкой прохладой. В небе перемигивались звёздочки, месяц, задумавшись, клевал носом звёздное зерно.

Летели молча, помня о колпачках. Обоих так и подмывало гневно высказать, что думают о Синем Дрозде.

На противоположном берегу реки тоже Город Сладких Слёз, но Старые Кварталы. Здесь массивнее, мрачнее здания, невысокие. Древние сады и парки. И жители в Старых Кварталах тучнее, нерасторопнее в делах и мыслях.

Незамеченными пересекли часть кварталов и опустились в условленном саду. Из густой зелени торчали куполообразные шапочки-башенки дворца. Статуя "Влюблённая Гусыня" находилась недалеко от фонтана, близ которого и совершил посадку Икар. Без труда отодвинули пенёк, первым в лаз полез Бесхвостый, как "специалист" по норкам. Пахло сырой землёй, сладостью корней и червями. Икар чихнул, тщетно пытаясь хоть что-нибудь увидеть в кромешной тьме. Бесхвостый взял его за крыло и медленно двинулся по проходу.

Внезапно инородный запах остро резанул нюх мышонка и на этот раз он расчихался.

- А-а-пп-чхи! Что за гадость? Кладбище майских жуков?

- Нет. Это, вероятно, запахи спальни господина Улыбка-Стриж. Мыло, духи...

- Вонючка несусветная...

-Тихо! Я слышу шаги.

Они упёрлись в дверцу. Затаив дыхание, подождали немного, затем толкнули дверцу. Она подалась легко и бесшумно, точно была картонная. За дверцей был ковёр. Поскрипывали пружины, кто-то вздохнул:

- Ах, как иногда хочется подумать!

В спальне, похоже, больше никого нет. Икар решился подать голос:

- Услава.

Воцарилась гнетущая тишина. Спустя некоторое время горячий шёпот за ковром:

- Пташа, сходи, ополоснись.

- Но я мылась,- возразил полусонный голос самочки.

- Ещё помойся... у тебя под мышками кисло пахнет...

Вновь заскрипели возмущённо пружины, на пол ступили босые лапы и зашлёпали по паркету. Когда шлёпанье затихло, по ковру осторожно постучали:

- Эй? Блажен усладой.

Икар назвал себя и от кого прибыли. После чего краешек ковра отвернулся, и друзья увидели белоснежную постель и Улыбку-Стрижа в пижаме. Он лихорадочно вытаскивал из-под матраца хрустящие пакетики и совал в лапки Бесхвостого:

- Передайте Дрозду: Грязнуля Кукушка загремела, может расколоться. Пусть изолирует Матушку Сороку: иначе все погорим. Всё. Бай-бай.

Ковёр захлопнулся, и тотчас зашлёпали по паркету:

- Милый, я побрызгала тыквенным лосьоном. Не хочется мне лезть в воду...

- Понюхаем, птенчик, понюхаем,- загукал пискляво Улыбка-Стриж.

Пакетов было двенадцать. Друзья взяли поровну и отправились назад по проходу.

Бесхвостый слышал, как пыхтел и чертыхался Икар.

- Давай ещё мне, - предложил он, остановившись.

- Да разве в этом дело,- тяжело вздохнул Икар. - Я не смогу взлететь со всем этим и с тобой.

- Лети один, а я пешком...

-Ты соображаешь, что говоришь? Забыл про то, что на голове... Дрозд решит, что ты сбегает и... Нет! я на такое не согласен...

- Я могу тебя здесь подождать.

- Не годится. Днём я не смогу прилететь, а до темноты целая вечность... Тебя могут обнаружить, да и еды у тебя нет...

- Я - мышь. Если здесь порыться, можно найти вкусные корешки, червячков. Продержусь. Соглашайся: другого выхода нет.

Икар подумал, подумал и согласился.

Выбрались наружу. Предутренние сумерки начинали светлеть, значительно похолодало.

- Надо спешить, - поторопил друга Бесхвостый, и вдруг у него словно вырвали почву из-под ног. В следующее мгновение, уже с лежащего, сорвали колпачок. Где-то рядом бился крыльями Икар, что-то кричал...

Спустя некоторое время они были в полицейском управлении. Допрашивал толстый медлительный Рыжий Удод, дымил тонюсенькой сигареткой с золочёным мундштуком.

- Кто? Что? Где? Зачем? - вопросы сыпались, как пощёчины.

Икар молчал. Бесхвостый решил следовать его примеру.

- Ничего, - снисходительно улыбался Рыжий Удод, обкуривая их зелёным дымом с запахом горевшей помойки. - Скажете. Ещё ни одна тварь не молчала у меня. Слыхали выражение: и великий немой заговорил? Так вот, он у меня и заговорил. Ну да ладно, оставим лирику. Пора завтракать, - с этими словами Рыжий Удод кликнул полицейского, стоящего за дверью, и распорядился принести завтрак.

Живо исполнили: на столе возникли миски с супом из яблочных семян, ржаная каша с котлетами из долгоносиков, плетёная из лыка ваза с овсяными булочками, и бутылка лукового ликёра.

- Прошу, - радушно пригласил хозяин кабинета.

Икар взял ложку, Бесхвостый тоже. Удод наполнил рюмочки ликёром.

- Выпейте, возбуждает аппетит.

Свой бокал оставил пустым. Судя по его комплекции, Удод отсутствием аппетита не страдал.

- Надо же! Не думал, не гадал, что своими глазами буду лицезреть живого реликта. Последнего млекопитающего - кажется, это была крыса, - убил мой прадед. Где-то на чердаке пылится чучело... - Удод с неподдельным интересом рассматривал Бесхвостого.

А он, следуя примеру Икара, активно налегал на еду. Всё было удивительно вкусно, друзья, невольно, расслабились и уплетали за обе щёки.

Наконец, когда всё было съедено, Удод, как бы, между прочим, спросил: не заметили ли они что-нибудь необычное?

Не заметили, а почувствовали, сразу, едва Удод спросил. Точно лёгкий сквозняк, неведомо откуда возникший, пронизывал насквозь, он охлаждал

сердца и рождал страх. С каждой минутой озноб становился больше. А следом возникли странные ощущения: малейший звук казался страшным ударом грома, искры сигареты Удада - молниями. Полицейский, пришедший забрать грязную посуду, почудился чудовищем с огненными глазами, он рос и рос, в высоту и вширь...

Икар, вдруг, весь сжался, метнулся в угол, тщетно пытался скрыться под крылом.

Бесхвостый, так же всем телом дрожа, от озноба и невероятного страха, тупо смотрел вверх головы Удада. Крупные капли пота катились по спине мышонка и казались огромными булыжниками. Они расплющивали его тело в лепёшку, оставив нетронутыми уши, которые, чудилось, выросли в три раза больше...

- Кто послал? - швырнул вопросом в Икара Удад.

- Сси...нний Ддр...озз...дд...- ответил Икар, сотрясаясь от дрожи.

- Синий Дрозд, - механически, точно говорящий автомат, повторил Бесхвостый.

Через четверть часа Рыжий Удад знал всё, что ему было нужно и ещё сверх того.

Икару и Бесхвостому сделали укол, дрожь прекратилась, ей на смену пришёл липкий сон. Полицейские отнесли их в камеру.

А Рыжий Удад позвонил в Гнездо и восторженно доложил, что препарат "Птичье молочко" выдержал испытание успешно. Не задумываясь, следует запустить его в массовое производство. А ещё ему, Удаду, несказанно повезло: у него имеется живой реликт, да, тот самый, занятный "матерьяльчик", над ним следует добротнo поработать...

Из Гнезда ответили: работайте, финансируем, результаты немедленно, по мере их появления...

7. БАЛАБОЛКА

Когда друзья проснулись, был уже вечер. Они чувствовали себя неплохо. Только вот голова, словно пустой сосуд. О происшедшем накануне они не помнили. Им казалось, что здесь они и должны быть.

В маленькое решётчатое оконце струился сумрачный вечерний свет. Высоко на потолке жёлтой бородавкой теплилась лампочка.

На верхней полке нар сидел Жаворонок в полосатой пижаме и болтал лапами. Он смотрел в потолок, что-то бубнил и, время от времени, нервно смеялся.

- Эй, ты что, придурок? - грубо окликнул его Икар, незнакомым холодным голосом.

Бесхвостый не удивился перемене друга, ибо и сам изменился. Равнодушие и бесчувствие опутали его, как шёлковые нити кокон шелкопряда.

Жаворонок осёкся, глянул вниз и глубокомысленно изрёк:

- Опасайтесь оценки с первого взгляда! Не всегда чёрное есть чёрное, и не всё то золото, что блестит. - Спрыгнул на пол, склонив голову, представился:
- Жаворонок. Писатель. Скандально известный. В данный момент - в опале.
С кем имею честь?

Друзья назвали себя.

- Не слышал, - сожалея, сказал Жаворонок. - Неизвестных у нас не прячут. И безопасных. Я очень рад коллеги, к сожалению, по несчастью, нашей встрече. Друзья познаются в беде. Я, надеюсь, мы станем друзьями. Всю свою сознательную жизнь я мечтал о Друге. Верном, чистом, бескорыстном. Но, увы! Судьба сталкивала меня с подонками, хапугами, без стыда и совести... Отчаявшись, я стал писателем. На страницах моих книг жила крепкая Дружба... Надо мной смеялись... моих героев считали уродцами... Журналиги окрестили меня Балаболкой. Я, собственно, и известен как самый осмеянный писатель... - Жаворонок грустно помолчал.

Друзья равнодушно смотрели на него.

- Меня перестали печатать, не брали на работу... Ушла жена с птенцами. Умерла мама... Родные отреклись... Ночами мне стали сниться фантастические сны: я - в полёте! Высоко-высоко... парю над облаками и - о чудо! - пою! У меня отвратительный слух, но я всегда мечтал петь... - Жаворонок печально улыбнулся, в его глазах блеснули слёзы; смахнув их, он прошёл к стене с оконцем. - И вот, полгода назад, во мне вспыхнул протест. Против сытых, против бездарей, против сильных мира сего! Я вышел на площадь и сказал, что они едят за чужой счёт! Что их твёрдость -это кнут..! - Жаворонок задохнулся от нахлынувших чувств. - А они... они заперли меня

сюда... Но правды не запереть! Нет! Она ещё обретёт свободу и взлетит высоко-высоко и пропоёт лучшую Песню Справедливости! - Жаворонок шмыгнул клювом, пытаясь сдержать слёзы, но он был слишком слаб: уткнувшись в стену, разрыдался. - Я...я никогда... не увижу её полёта...

- Нытик, - сплюнул Икар.

- Сопля, - поддержал Бесхвостый.

- И вы?! - Жаворонок повернул мокрое лицо, глаза его расширились. - За что? - вскричал он в следующую секунду и упал на пол, забившись в судорогах. - За что? За что? За что?..

Из щели между кирпичами вылез таракан, поводит усищами и направился к оконцу. Икар быстро схватил его и, морозно смеясь, стал отрывать ему лапки.

Таракан кричал.

Бесхвостый бесстрастно подбирал тараканьи лапки и засовывал в рот, жевал, похрустывая хрящиками.

- Чего орёшь? - заглушал крик таракана Икар. - Шуток не понимаешь, да? Неженка, маменькин сыночек...

- Зачем? За что? - билось о каменные стены и отлетало к Жаворонку. - Мы живём в Городе Сладких Слёз... Сладких! Почему же у всех оскомина и изжога?! Почему нет весёлых счастливых лиц? Почему?!

Загремели засовы и кованые двери распахнулись. Три удода - два в мундирах, один в белом халате - вошли в камеру. Удод в халате внимательно осмотрев Икара и Бесхвостого, остался весьма довольный.

- Лечь! - внезапно выкрикнул.

И они легли. И садились, и хлестали себя по лицу, и дрались между собой по приказу.

- Чудненько! Бесподобно! - счастливо восклицал удод в халате.

- К сожалению, действие препарата всего 24 часа, - проронил один из мундирных.

- Будем работать. Но уже в этом составе можно использовать на демонстрантах. Методом распыления.

- Не оставим без внимания! - чётко, по - военному, выпалили мундирные.
- Испытуемых попрошу переправить к нам в институт.
- Будет сделано!
- Хищники! Птицееды!- неожиданно закричал Жаворонок.
- Это что? - спокойно спросил удод в халате.
- Ненормальный писака. Балаболка, может, слышали? Пожизненное заключение. Клевета на правительство.
- Приплюсуйте и его. Всё одно колоть-резать.
- Ненавижу! Будьте вы прокляты!

Жилистый удод подошёл к Жаворонку и ударил его по шее. Жаворонок захрипел и умолк, закрыв глаза.

Вбежали два рядовых полицейских и унесли бесчувственного Жаворонка.

Икару и Бесхвостому приказали следовать за ними.

8. Очковый Гаг

Во дворе стоял длинный серый автофургон. В него и забросили Жаворонка. Следом, повинаясь приказу, залезли Бесхвостый и Икар. Дверца, клацнув, захлопнулась. Автомашина рванула с места.

Внутри фургона всё ровное, без выступов, как в цистерне, так что во время движения заключённых швыряло из стороны в сторону. Длился этот кошмар с четверть часа. Когда, наконец, остановились, Икар с Бесхвостым, как и Жаворонок, не смогли стоять самостоятельно. Их ворохом сгребли, кинули на носилки, понесли через чёрный ход в Институт.

Сначала их раздели и опустили в ёмкость с жидкостью вишнёвого цвета, где тщательно прокрутили, точно тряпки в стиральной машине. Затем пропустили сквозь сушилку, после чего доставили в исследовательскую палату. Здесь стояли три кровати, тумбочки и шкафчик с медикаментами. У входа дежурила медсестричка Трясогузочка.

В палату размашисто вошёл тощий как жердинка доктор Очковый Гаг. За ним хвостиком следовали две медсестры-пеночки.

Доктор пощупал пульс у прибывших, заглянул в клювы Икара и Жаворонка, распорядился сделать уколы и витаминные вливания.

Бесхвостому уделил значительно больше времени. И так и эдак ворочал, ощупывал, заглянул всюду, куда можно было, наконец, восторженно произнёс:

- Дивный экземплярчик! Есть над чем работать! Много и плодотворно. Да-с...

Бесхвостому тоже назначили уколы.

Потирая крылья, самодовольно усмехаясь, доктор удалился.

Трясогузочка принялась исполнять распоряжения, не спуская глаз с Бесхвостого. Разных уродцев приходилось ей видеть здесь, но что бы такой - никогда... Впрочем, вскоре она вспомнила: и вовсе это не уродец - последствие экспериментов доктора Гага, - а некогда живший на их земле вид. Его ещё реликтом называют. Откуда же доктор взял живого реликта? Бедняжка, совсем ещё малыш. У него, должно быть, и родители есть, мама с папой, сестрёнки-братишки... Какая жалость, что он сюда попал!

У Трясогузочки защемило в сердце так, что заныло в висках, и выступили слёзы. Ах, если бы можно было их освободить, выпустить на волю...

Расстроившись, Трясогузочка забыла про уколы, а действие препарата кончалось.

Первым пришёл в себя Икар. Долго осматривался, не в силах сообразить, где он. Приподнялся. У шкафчика стояла, задумавшись, Трясогузочка с приготовленной ампулой. Справа лежал Бесхвостый, слева - Жаворонок. Откуда эта птица и почему они все вместе?

- Где мы?

Трясогузочка встрепенулась:

- Ой, что это я... Вам же укол нужен...

- Зачем? Я чувствую себя здоровым. Где мы?

- В институте доктора Гага...

- Зачем?

- Вы больны...

- Ерунда, какая! - Икар принялся расталкивать Бесхвостого. - Вставай, друг, здесь что-то нехорошее затевается.

- Больной, позвольте вам сделать укол.

- Отстань!

- Я доложу доктору...

- Ну и катись! Где наша одежда? Почему мы голые?

- Не знаю. Так положено...

- Зови своего доктора.

Трясогузочка убежала. Икар перебрался на окно. Четвёртый этаж. Двор, обнесённый высоким забором, поверх колючая проволока. Ничего себе лечебница! Здесь, явно, нечто отвратительное творится. Икар толкнул створку окна, и она немного приоткрылась. Дохнуло свежим пьянящим воздухом. Сквозь решётку не пролезть. Тюрьма это, а не институт!

Вернулась Трясогузочка с доктором и тремя санитарями.

- Я слушаю, - склонил голову доктор Гаг. - Какие претензии?

- Почему мы здесь?

- Объясняю. В квартале Желток обнаружен очаг эпидемии, именуемый синдромом токующей осы. Вы находились в эпицентре очага. Во избежание распространения опасной болезни, мы вынуждены были вас изолировать. Для вашей же пользы. Только беспрекословное выполнение прописанных процедур вернёт вас в строй.

Доктор говорил убедительно, мягко и участливо, санитары поддакивали, глядя сочувствующе, ободряюще улыбались... Икар поверил. Принял всё на веру и Бесхвостый. И лишь Жаворонок недоверчиво усмехался, бубня под нос:

- Комар сладко поёт, да больно кусает, а ещё кровушку пьёт...

Им сделали уколы. Через пару минут Икар и Бесхвостый безмятежно спали. А Жаворонок, напротив, бился о подушку, рыдая, выкрикивал:

- Я куриная вошь! Где моя любимая кура? Я куриная вошь...

Трясогузочка с тревогой глянула на доктора.

- Успокойтесь, всё идёт как надо. Видимо, этот бедняга более заразился, чем остальные. Он скоро успокоится... вот найдёт свою куру и успокоится...

Вечером радио и телевидение сообщили, что раскрыта очередная антиправительственная группировка. Возглавлял её бывший кинорежиссёр, известный своими пошлыми сериалами, Синий Дрозд. Часть его соратников арестована, а сам Дрозд ушёл в глубокое подполье. Полиция располагает вескими данными, так что не сегодня-завтра и Дрозд будет схвачен...

Спокойствия и процветания, дорогие горожане!

9. СПАСЕНИЕ

Трясогузочка жила при Институте. У неё не было родителей, она их и не помнила. И вообще знала только то, что следовало ей знать. Она понятия не имела, к кому её приставили. Для неё это просто больные. Так сказал доктор Гаг, стало быть, так оно и есть. Трясогузочка исправно делала уколы, вливания, жалела и сочувствовала больным, всячески старалась облегчить их страдания. И, разумеется, докладывала обо всём доктору.

Так было всегда. Одного не делала Трясогузочка: не привязывалась к больным, ибо слишком часто на её глазах умирали подопечные, либо их куда-то увозили, безвозвратно. Какое ж сердце надо иметь для стольких потерь и расставаний?!

У Трясогузочки было обыкновенное сердечко, и оно всегда слушалось хозяйку.

А в этот раз, почему-то, пошло наперекор. Уже к концу вторых суток, Трясогузочка с удивлением поняла: эти больные ей дороги, как родные.

Она с упоением слушала стихи и забавные сказочки Жаворонка в краткие минуты "кризиса", а к Икару и Бесхвостому питала сильные братские чувства. Порой с ужасом вздрагивала, подумав о возможном расставании.

Когда после некоторых уколов её больные корчились и выли от боли, бедное сердечко сестрички готово было разорваться. Трясогузочка не знала чем помочь, облегчить их муки, доктор же успокаивал её: мол, всё идёт успешно, вирус сопротивляется, но уже ослабленный.

Странно, думала Трясогузочка, но с каждым днём как раз ослабленными становятся пациенты. Сказки у Жаворонка стали нудными и пустыми, он всё чаще отключался, либо бился головой о подушку и кричал: "Я куриная вошь! Где моя кура?" У Икара потухли искорки в глазах, обмякли крылья и потемнели перья - они стали серыми. Просматривались рёбрышки у мышонка, местами выпадала шерсть. А ещё постоянно слезились глаза.

На беспокойство Трясогузочки, доктор Гаг спокойно говорил:

- Всё нормально. Кризис минует, и пойдут на поправку.

Трясогузочка верила доктору, однако, кризис и не думал миновать: друзьям становилось всё хуже.

На следующий день, седьмой по счёту, Жаворонок настолько ослабел, что без помощи не смог сесть. Не лучше выглядели воронёнок с мышонком - живые тени.

А доктор Гаг, почему-то, был очень доволен:

- Дивненько! Успех будет колоссальный!

Трясогузочка чудом держалась от усталости и переживаний, засыпала на ходу, и продолжала, по инерции, верить доктору: кризис минует... поправятся...

Вечером восьмого дня, когда догорала заря за окном, дверь палаты бесшумно приоткрылась, и в щель прошмыгнул Белый Голубь. Трясогузочка дремала на своём месте, у шкафчика. Больные, почти без дыхания, находились во власти сна, тяжёлого и вязкого.

Белый Голубь осторожно подошёл к кроватям, осмотрел лежащих, прошептал:

- Я так и думал. Надо слочно спасать!

Вернулся к двери, прислушался, затем легонько тронул плечо медсестрицы:

-Тс-с-с! Плошу вас.

Трясогузочка встрепенулась:

- Кто вы? Что вы здесь делаете?

- Тихо, плошу вас! Я всё объясню. Если у вас доброе селдце и здлавый ум, вы поймёте и посталаетесь помочь.

- Помочь? Кому?

- Им! На ваших глазах совершается преступление! Они погибнут медленно и мучительно. И вы будете сопричастны...

- Я не понимаю вас. Почему они должны погибнуть? Доктор...

- Ваш доктор пелвейший преступник! Он работает над пелпалатом усмиления инакомыслящих. Испытание плоходит вот на них. Вчела плезидент Пустельга тайно подписал ласполяжение: использовать пелпалат "Птичье молоко" шилокомасштабно. Его будут добавлять в хлеб, воду, зельно, детское питание. Неужели вы так наивны, что не видите, что есть холошо, а что плохо?

- Я...я... - Трясогузочка готова была расплакаться. - Я же ничегошеньки не знала... Мне говорили - я выполняла... Что мне делать?

- Во-пелвых, успокоиться. Душевное лавновесие отличный товалищ и помощник. А им сейчас же введите глюкозу.

Трясогузочка помедлила: доктор категорически запрещал глюкозу...

- Ну же! - шикнул Белый Голубь, а для сестрички прозвучало как приказ: она решительно распахнула дверцу шкафчика, взяла коробочку со шприцами.

Белый Голубь достал из кармана курточки пилочку и стал пилить решетку окна.

Когда погасла заря и воцарилась ночь, три прута решётки были отпилены и отогнуты.

- Я пошёл вниз, - сказал Голубь, пряча пилку. - Ждите сигнала.

Прошла целая вечность, прежде чем в окно поскреблись. Трясогузочка распахнула створку. На верёвке покачивалась корзина, в которой стояли два скворца. Они живо впрыгнули на окно, и в считанные секунды перенесли больных в корзину.

- Вы остаётесь? - спросил у сестрички Синеглазый Скворец.

- Нельзя ей оставаться, - веско сказал второй. - Прошу в корзину.

Необычный лифт устремился вниз. У стены наготове стоял автомобиль. Второй скворец остался в кабине, а Синеглазый исчез. Вскоре Трясогузочка

увидела, как из подъезда выбежали Белый Голубь, Синеглазый и ещё три скворца. У Синеглазого был маленький пухлый портфельчик.

Заработал мотор, и автомобиль стремительно понёсся прочь от института. Синеглазый довольно засмеялся:

- То-то завтра будет шуму!

10.ИСХОД

- Всем! Всем! Газета "Эффект"! Читайте газету "Эффект": Белый Голубь обвиняет доктора Гага!

- Доктор Гаг сменил маску! Преступление против птичества! Покупайте газету "Скорлупа": доктор Гаг сеет смерть!

Грязные голопузые воробушки своими криками разнесли вдребезги утреннюю тишину. Шелест ещё сырых газетных страниц сопровождал их. Ошалелый ветерок метался в проходных дворах, а крики его настигали, гнали дальше.

Сутки прошли, как один час. Трясогузочка всё это время присматривала за больными, и они заметно шли на поправку. Новые друзья своевременно поставляли пищу и лекарства.

Первым встал Жаворонок, - Трясогузочка временно отлучилась - прошёл к окну. Мокрая от росы зелень сада нежилась в лучах восходящего солнца. У Жаворонка даже в глазах потемнело от желания пробежаться по росной траве, крича ликующе неразбериху. И он поддался желанию: распахнув окно настежь, выпрыгнул в сад.

- Божественно! - вырвалось из клюва.

Пьянея от запахов и нежной прохлады, Жаворонок умылся росой. Из ушей точно вынули вату: он услышал музыку. Чарующая мелодия звучала в нём самом, как звучит орган в прекрасном зале с чудесной акустикой. Поэта охватило вдохновение, и стихи полились, как ручьи при таянье снега:

- Благодарю тебя, кто создал это чудо!

Благодарю тебя, что проснулся я!

До дней последних славить буду

Я этот свет! И тебя, Создатель, любя!

Чуть позднее проснулся Икар. Свежесть утра, наполнившая комнату, живо взбудорила его. Воронёнок соскочил на пол, взмахнул крыльями, намереваясь вылететь в окно... крылья вяло шелохнулись... Икар не поверил и вновь попытался взлететь, упал. Значит, не показалось: крылья действительно не слушались. Икар бросился на постель и заплакал.

Вбежала Трясогузочка, склонилась над Икаром, говоря утешительные слова.

Пробудился и Бесхвостый. Удивлённо распахнул глаза на рыдающего друга и хлопотавшую подле него Трясогузочку.

- Что? Что случилось?

Ещё с улицы что-то крича, вбежал Жаворонок, он был вне себя:

- Кошмар! Ужас! Распустил слюни! Позор! Когда свобода попирается, когда её крылья тяжелы от пошлости и грязи... вы... вы хнычете над собственными царапинами! Птенцы молочные! - в сердцах ругнулся Жаворонок, подводя черту своему возмущению.

Воцарилось гнетущее молчание. Икар, уткнувшись в подушку, лежал потерянный и раздавленный жёсткими словами Жаворонка. Бесхвостому почему-то было ужасно стыдно, точно его вытолкнули голого в толпу. Трясогузочка растеряно переводила взгляд с одного на другого.

В дверь постучались. Друзья встрепенулись, изобразили на лицах улыбки.

Вошёл Белый Голубь, радушно поздоровался.

- Я чрезвычайно рад видеть вас в здравии! Молодцы! К сожалению, обстоятельства складываются так, что более отдыхать... Колоче говоля, надо лаботать.

- Работать?! Всегда готов! - Жаворонок энергично потер крылья. - В чём будет состоять наша работа?

Белый Голубь присел, пристально осмотрев друзей, сообщил следующее: он и его товарищи занимаются агитацией свободолобивых идей; их театр "Пёрышко" располагается на небольшой барже, которая вмещает до сотни зрителей. Подвижной театр появляется в разных кварталах Города, имеет немалый успех. Благодаря разнообразию программ и дешёвым билетам.

Правда, за последний месяц у них наблюдается некоторый застой: многие актёры арестованы, высланы из Города.

- Вы не представляете, какой будет эффектной агитация из ваших уст! - закончил Голубь, и с надеждой глянул на друзей.

С Жаворонком было ясно: всегда готов. А вот Икар, по-всему, не расположен: раздумывает. Бесхвостый поглядывал на Икара, терпеливо ждал его слов.

- Мы полетим, - наконец, сказал Икар. - Мы не актёры, и цели у нас другие.

- Какие? - подступил Жаворонок.

- Это наше личное дело. Скажу только, что цель нашего пути... Зоорай.

- Да, - поддержал Бесхвостый.

Белый Голубь огорчёно вздохнул:

- Жаль... Мы могли бы плодотворно полаботать...

- Желторотики! - вспыхнул Жаворонок. - На готовенькое позарились! Пискуны! Свободу надо своими крыльями и головой создавать, а не примазываться к чужой! Вы... вы... - он задыхался от возмущения, - черви дождевые! Воши куриные! Мне тошно с вами рядом стоять... - выбежал, хлопнув дверью.

Белый Голубь грустно посмотрел на Икара, перевёл взгляд на Трясогузочку:

- И вы с ними?

Она ещё не знала. Ей очень нравился Икар, по-матерински привязалась к Бесхвостому, Жаворонок же вызывал дочерние чувства... Не хотелось бы расставаться...

- Да... - кивнул Голубь, приняв молчание за согласие. - Жаль... Ну, что ж, желаю счастливого пути. Если надумаете велнуться - всегда будем лады. - Направился к выходу, но у двери помедлил, полуобернулся: - Слышал я о вашем Зоолае. Стланное, непонятное место. Границы заклыли, никого не пускают, не выпускают... Почему? Зачем? Если так холошо живёте, как о том говолят, чего же склывать? Поделитесь с ддугими, научите, подскажите... А так... эгоизм какой-то... Себялюбки болотные...

Голубь ушёл, некоторое время в комнате стояла тяжёлая тишина. Икар подошёл к окну, затем повернулся к Трясогузочке:

- Ты пробовала летать?

- Нет...

- Идём в сад. Это не трудно: надо только очень сильно захотеть.

Икар и Трясогузочка через окно ушли в сад. Бесхвостый остался один. Ему всё время казалось, что произошло что-то весьма нехорошее, а что именно, он никак не мог понять.

Вернулся Жаворонок, немного остывший.

- Что, улетели? А ты как же? Ах, нет ещё... Ясно: пошли потренироваться, на дармовщинку сил набраться. Не стыдно? Я у тебя спрашиваю. Не стыдно бросать родину в трудные для неё дни? Это же... как мать бросить в беде! У тебя сердце есть?

- Есть, - выдавил Бесхвостый, ошарашенный напором.

- Нету! У тебя там кусок глины! Да! У кого сердце есть, тот не бежит за рубежи. Рай, видите ли, их манит... Дармоеды!

- Почему... почему вы обзываетесь?

- Ха! Что ж мне целоваться с тобой? Ты ж предаёшь меня, подножку ставишь!

- Неправда...

- Правда! Чистейшая правда! Так и знай: я призираю вас, призираю! - Жаворонок нервно собрал свои вещи и быстро вышел.

Бесхвостый присел на кровать, призадумался. Мама, мамочка... ведь он, действительно, бросил её... и за всё время лишь один раз, в аквариуме, вспомнил о ней. Неужели у него, правда, глиняное сердце?

В окно влетел возбуждённый Икар, закружил друга:

- Я опять летаю! Летаю! И она тоже! Ты слышишь?! Завтра мы вылетаем! Ах, как я жажду оказаться там! Какая жизнь будет у нас!..

Думы Бесхвостого, точно порывом ветра сдуло: он так же радостно кричал и кружился по комнате.

А в саду, смеясь и плача от счастья, взлетала Трясогузочка: пролетит немного и опустится:

- Ой, как хорошо-то!

В эти минуты она безумно была счастлива, и благодарна Икару. И что бы там ни говорили Голубь и Жаворонок, Трясогузочка полетит за Икаром хоть на край света...

Ранним утром они покинули Город Сладких Слёз.

Их никто не провожал.

Только бабы каменные слёзно смотрели вослед.

ЛЕНИНГРАД, 1980г.